

СЕРГЕЙ КОРМИЛОВ

Споры о методах советской литературы в критике и литературоведении 1960-х — второй половины 1980-х годов*

Часть 1.

1960-е — первая половина 1980-х годов

В 1960-е годы советское литературоведение, в том числе теория литературы, совершило мощный рывок вперед. Критика же в своей теоретичности окрепла значительно меньше. В 1970 году украинский критик Е. Г. Адельгейм говорил, что, «к сожалению, теория у нас нередко слабо связана с повседневной критической практикой»**. В 70-е — первой половине 80-х годов не только теоретические проблемы, но и литературоведческая терминология мало занимала массовую критику. Как на ее методологический недостаток на это в 80-е годы не раз указывал П. А. Николаев, например в статье «Доверие к теории»: она «не соотносит содержательные и стилевые свойства анализируемого произведения даже с понятием “реализм”»***. Этим проблемам уделяли внимание главным образом работавшие в критике литературоведы.

Критиков как таковых это положение тоже иногда беспокоило. В конце 1986 года на пленуме совета по критике и литературоведению Союза писателей свердловчанин В. Лукьянин говорил, что

* Впервые: Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2009. № 2. С. 24–38; Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 1. С. 18–31.

** Верность марксистско-ленинской методологии — залог успехов критической мысли (III пленум Всесоюзного совета по критике) // Вопросы литературы. 1970. № 6. С. 50.

*** Николаев П. Доверие к теории // Вопросы литературы. 1985. № 9. С. 31.

из критических работ почти исчезли понятия «социалистический реализм», «классовость», «народность»* (последнее неверно: одни критики действительно игнорировали критерий народности, другие же только им и пользовались, абстрагируя его от других критериев), а А. Ланщиков отметил, что развитие литературного процесса требует новых терминов, но литературоведы их не предлагают и критике приходится на скорую руку выдумывать термины «военная проза», «деревенская проза», «политический роман», «четвертое поколение», «сорокалетние», «тридцатилетние», «тихая лирика» и т. п.**

Тем не менее в области теории метода надуманные попытки предложить нечто новое литературоведами, выступавшими в критике, предпринимались. Б. Л. Сучков, литературовед отчетливой политико-публицистической ориентации, еще в 1963 году в статье «Жизнеутверждающее искусство нового общества» («Правда» от 6 октября) заявил об *осознанности* историзма в социалистическом реализме как о его специфическом свойстве. В книге Б. Сучкова «Исторические судьбы реализма» (1967, неоднократно переиздавалась в 70-е годы) это свойство литературы обосновывалось прежде всего с точки зрения теоретической оснащенности мировоззрения писателей. Построенная преимущественно на материале зарубежной литературы, книга Б. Сучкова официально считалась работой общетеоретического плана. Показательна аргументация автора. В третьем издании объемистой книги (504 страницы) сноска на философские и общественно-политические работы и высказывания — 96, на статьи и высказывания об искусстве — 46 (37 самих художников и только девять — критиков и искусствоведов), на тексты художественных произведений — 31, в основном это философские и обобщенные высказывания. Книга написана в аксиоматически-констатирующей манере.

Фактически теория осознанности как отличительного свойства историзма в социалистическом реализме была шагом назад, к рапповскому неразличению метода и мировоззрения. В социалистическом реализме выделялись направления: психологическое в формах самой жизни, условно-метафорическое и лирико-патетическое. В последнее, которое, по словам Б. Сучкова, ошибочно называют романтическим, включались столь разные художники, как С. Есенин, К. Паустовский, А. Веселый, И. Бабель***. «Осознанность» исто-

* См.: Остро и конструктивно // Литературная газета. 1987. 7 января. С. 5.

** См.: Ланщиков А. Перестройка касается всех // Литературная газета. 1987. 7 января. С. 5.

*** См.: Сучков Б. Исторические судьбы реализма. М., 1973. 3-е изд., доп. С. 416–426.

ризма каждого из них и их принадлежность к социалистическому реализму никаких сомнений у теоретика не вызывали.

Книга Б. Сучкова, занимавшего до своей кончины в 1974 году пост директора Института мировой литературы АН СССР, была отмечена Государственной премией, а лозунг осознанного историзма как главного отличительного признака социалистического реализма активно пропагандировали в 70-е годы Вас. Новиков* и др. Ал. Михайлов повторял его и позднее**. Но уже в 1976 году недостаточность критерия «осознанности» показали Л. Тимофеев в статье «По воле истории»*** и М. Храпченко в своей речи на Шестом съезде писателей СССР****: он применим уже к творчеству Пушкина и Толстого. Имя Б. Сучкова его оппонентами не называлось, теория «осознанности» постепенно была забыта.

С начала 70-х годов новым словом стала казаться теория социалистического реализма как открытой системы. Славяновед Д. Ф. Марков провозгласил социалистический реализм открытой системой форм обобщения, синтезирующей все прогрессивное в художественном развитии человечества на почве марксистской философии. Разные методы, по этой теории, слились в один, сохранив «иногда весьма существенные “родовые” черты в области форм художественного обобщения, обладающих относительной эстетической автономностью»****. С одной стороны, Д. Марков говорил только о художниках марксистских убеждений (независимо от того, насколько адекватно они умели воплощать свои взгляды во «второй реальности» искусства), с другой же стороны, «мерой эстетических рамок социалистического реализма» называл просто правдивость — свойство всякого подлинного искусства. «Социалистический реализм, как принципиально новая эстетическая структура, — подчеркивал Д. Марков, — сливается с общими свойствами правдивого искусства, равнозначен ему по своему содержанию»*****.

Несмотря на явную противоречивость основных положений, теория Д. Маркова получила широчайшую поддержку в критике

* См.: Новиков В. Новый историзм — новые художественные открытия // Новаторство и художественное многообразие литературы и искусства. М., 1970. С. 3–44.

** См.: Михайлов Ал. Два ключа. Литературные споры. М., 1981. С. 300.

*** См.: Тимофеев Л. По воле истории // Литературное обозрение. 1976. № 6. С. 62–63.

**** См.: Храпченко М. Рост литературы и проблемы теории // Движение жизни и литература: Современные проблемы социалистического реализма. М., 1978. С. 10.

***** Марков Д. О формах художественного обобщения в социалистическом реализме // Вопросы литературы. 1972. № 1. С. 76.

***** Там же. С. 83.

(Г. Ломидзе, М. Пархоменко, Л. Новиченко, Л. Якименко, А. Бочаров и др.). Автор, развивший ее еще в нескольких статьях и книге «Проблемы теории социалистического реализма» (1975, второе издание — 1978), был избран академиком. «Литературная газета» в январе 1979 — апреле 1980 года провела международную дискуссию «Социалистический реализм: художественный опыт и теория». Как писал позднее об этой дискуссии и о своей теории Д. Марков, большинство ее участников и другие критики и литературоведы «внесли и вносят в нее ряд уточнений, дополнений, выдвигают новые идеи, — я уже давно считаю ее общим завоеванием коллективной творческой мысли»*. Многим критикам импонировала фраза «исторически открытая система», в ней как бы содержался протест против «закрытого общества» и одновременно благонамеренное возражение тем, кто считал советское общество закрытым. Заодно она «реабилитировала» социалистический реализм в глазах тех, кто привык его считать выдумкой нелучших времен.

Д. Марков заявлял, что социалистический реализм противостоит модернизму и что его теория не имеет отношения к теории «реализма без берегов». В духе уже международного «единого потока» он перечисляет художников, отошедших от модернизма, но удерживающих элементы прежней поэтики, подчиняя их новым взглядам на мир: это Брюсов и Блок, Б. Ясенский и В. Незвал, Гео Милев и Л. Стоянов. «Сама логика идейно-художественного развития таких художников <...> ясно и недвусмысленно свидетельствуют о том, что их приход в революционную литературу означал разрыв с модернистскими принципами, осознание их несовместимости с социалистическим реализмом»**. Даже если брать только имена русских поэтов, очевидно, сколь «ясно и недвусмысленно» обосновывается теория. Ведь они умерли один за восемь, другой за одиннадцать лет до появления словосочетания «социалистический реализм», с которым они якобы «осознали» что-то несовместимым, и в своей поэтической практике не были и не стали ни социалистическими, ни критическими реалистами.

В работах Д. Маркова и его последователей не было четкой установки на разграничение «форм обобщения» и просто «художественных форм». Отсюда подчас совершенно неправомерные упреки противникам этой теории, особенно Ю. Андрееву, в том, что они якобы выступают только за внешне жизнеподобные формы в искусстве социалистического реализма. Таким путем легко было зачислить любого противника в догматики, консерваторы и даже охранители.

* Марков Д. Системное единство социалистического реализма // Вопросы литературы. 1983. № 1. С. 10.

** Там же. С. 18.

Между тем основные установки теории побуждали к категорическому выводу, что социалистическая культура (уже социалистическая, а не коммунистическая) «является по существу культурой общечеловеческой»*. Но если правдиво только искусство художников, признающих марксистскую философию, значит, общечеловеческая культура резко сужается, а вовсе не расширяется в своих границах. Концепция культуры оказывалась сугубо эгоцентрической, оскорбительной для художников многих стран, не являвшихся марксистами по мировоззрению или реалистами по творческим принципам. Наиболее «прогрессивистская» литературная теория эпохи общественного застоя фактически была актом державного самовозвеличивания («у нас» только социалистический реализм, следовательно, «мы» исключительно правдивы) и завуалированной конфронтации, принижения тех, кого, случалось, огульно записывали в наши идеологические противники (что «у них» правдиво, то — как «у нас», остальное от лукавого).

Критики, далекие от «академизма», продемонстрировали полную теоретическую некомпетентность, охотно приняв концепцию «открытости». Но литературоведы разных специализаций ей возражали. На Шестом съезде писателей СССР (1976) М. Б. Храпченко, не называя имен, как было принято в выступлениях политиков, предостерег от признания в реализме каких угодно форм, сказав, что художественные формы безразличны для содержания, и от опасности превращения социалистического реализма в конгломерат совершенно разнородных, не связанных между собой явлений**. Еще раньше Г. Н. Пospelов, обстоятельно полемизируя с Д. Ф. Марковым, повторил свое давнее противопоставление правдивости (правдивы и нереалистические произведения) и верности отражения (свойственной реализму)***.

А. И. Метченко остро прореагировал на выведение социалистического реализма из модернизма. «Социалистический реализм, — подчеркнул он, — с самого своего возникновения имел собственную идейно-эстетическую основу»****. Собственный его вклад в движение литературы важнее того, что им унаследовано. Метченко осуждал две крайности: ограничение социалистического реализма узкой формулой (широкая же, говорил он, будет найдена в результате изучения всего богатейшего разнообразия развивающегося мирового

* Там же. С. 24.

** См.: Храпченко М. Рост литературы и проблемы теории. С. 7–8.

*** См.: Пospelов Г. К спорам о литературе социалистического реализма // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1975. № 1. С. 3–6, 14.

**** Метченко А. На собственной основе // Новый мир. 1978. № 9. С. 246.

искусства), из-за чего оказывается невозможным отнести к нему ряд шедевров советской литературы, например поздние произведения Пришвина, и, с другой стороны, отождествление его со всей советской литературой, которая включает в себя и литературу переходную к социалистическому реализму — ведь и сам социализм не явился полностью готовым. Но, по-видимому, с какого-то времени советская литература, по мнению А. Метченко, была охвачена социалистическим реализмом полностью (он так не говорит, но не говорит и иного).

А. Метченко спорил с предложенным А. Эльяшевичем* разделением социалистического реализма на «объективный» (в жизнеподобных формах), имеющий «неисчерпанные резервы» (неисчерпанные, а не неисчерпаемые, замечает Метченко), и субъективный, или «экспрессивный», который только и признается синтетическим; у А. Эльяшевича за рамки «объективного» реализма выводится Маяковский, объявляются архаическими, не оказывающими сегодня активного воздействия формы открыто публицистические, агитационные, балаганная эксцентрика.

Метченко признает в социалистическом реализме и правдоподобие, и условность. Вместе с тем оговариваются пределы его «открытости»: это система, по диалектической логике, и открытая, и зорко охраняющая свои «берега».

Особенную настойчивость в борьбе с концепцией «открытости» проявил ленинградский критик и литературовед Ю. А. Андреев. Если Г. Н. Пospelов, по сути, обращал внимание на то, что идейное содержание произведений бывает различным и при единстве принципа отражения** (так он предпочитал называть метод), то Ю. А. Андреев подходил к вопросу с другой стороны, подчеркивая, что идейное единство еще не есть идейно-художественное единство. В статье, написанной вместе с Д. С. Лихачевым***, он показывал, что формулировка «*исторически открытая система правдивого изображения жизни*» не строгая, она относится вообще к реализму: действительность движется — и движется реализм. Но собственная позитивная программа Ю. Андреева оказалась размытой. В статье «Метод живой, развивающийся (к методологии изучения социалистического реализма)»****, очередной раз раскритиковав Д. Маркова, он предло-

* См.: Эльяшевич А. Лиризм. Экспрессия. Гротеск: О стилевых течениях в литературе социалистического реализма. Л., 1975. С. 322.

** См.: Пospelов Г. К спорам о литературе социалистического реализма. С. 10.

*** См.: Андреев Ю., Лихачев Д. Истоки и характер содружества братских литератур Европы (Иностранная литература. 1981. № 4).

**** Андреев Ю. Метод живой, развивающийся (к методологии изучения социалистического реализма) // Русская литература. 1982. № 1. С. 124–134.

жил изучать в литературе социалистический идеал, перспективность взгляда на мир, закономерности новой морали, экологические проблемы и т. д., т. е. отошел собственно от проблемы метода, утратил всякую концептуальность, свел ее к тому, *о чем* пишутся современные произведения.

Одно из самых уязвимых мест теории Д. Ф. Маркова акцентировал И. Ф. Волков: у создателя теории нет ни слова о художественной, творческой специфике искусства, а только о марксистско-ленинском понимании мира и человека, социалистическом гуманизме, ленинской партийности. *«Концепция социалистического реализма как “открытой художественной системы” восходит к известному отождествлению художественного метода с философскими взглядами писателя, к трактовке теоретиками РАПП социалистического реализма как диалектико-материалистического метода в литературе»**.

Д. Ф. Марков ограничился обиженной репликой в связи с этим сближением**, ничего не оспорив и не изменив по существу.

Итак, теория Д. Маркова до бесконечности расширяла социалистический реализм. Но появилась и противоположная точка зрения. В 1978 году Ю. Кузьменко напечатал в «Литературной учебе» статью «Загадка М. С. Р.» (т. е. метода социалистического реализма). Он резко разграничил литературу до 1956 года и после, подчеркнул большую разницу между произведениями первых советских десятилетий, когда показывалась борьба отчетливо противостоящих общественных сил, когда господствовало эпическое воспроизведение жизни в ее героическом состоянии, и произведениями последнего времени с более сложными, разнообразными и не лежащими на поверхности конфликтами. На этой почве критик сблизил творчество Чехова и Ю. Трифонова, признал, что не видит существенного различия их методов, но видит отличия их обоих от писателей 20–50-х годов. Ю. Кузьменко полагал, что *«под методом социалистического реализма деятели советской литературы в ту пору» понимали «вернувшийся из давних времен, обновленный, пронизанный социалистическими идеалами художественный эпос»****. Не видя такового в современности, автор выражает сомнение в целесообразности понятия «метод» вообще.

Вопреки вероятности «отмена» Юрием Кузьменко понятия метода, а с ним и социалистического реализма, по крайней мере в отношении современности, прошла в критике незамеченной. Возмож-

* Волков И. О многообразии форм в литературе социалистического реализма // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1981. С. 25.

** Марков Д. Системное единство социалистического реализма. С. 15.

*** Кузьменко Ю. Загадка М. С. Р. // Литературная учеба. 1978. № 5. С. 171.

но, на публикацию в журнале, предназначенном для начинающих литераторов, не обратили внимания или не приняли ее всерьез. Только Г. Пospelов в ответах на анкету того же журнала заявил, что Ю. Кузьменко пишет не о методе, а о литературном роде и пафосе и, значит, «загадку М. С. Р.» не решает*. Упрек был неосновательным: Ю. Кузьменко писал не об эпосе как роде, а об *эпичности* сознания эпохи и проблему метода на свой лад решал. Автор вскоре преждевременно скончался, и критиковать ушедшего из жизни, видимо, не сочли интересным.

Однако невозможно было замолчать попытки осмысления других, кроме социалистического реализма, методов советской литературы.

При молчаливом признании большинством критиков единственности метода социалистического реализма в советской литературе некоторые авторы и прямо об этом заявляли. Например, в 60-е годы это делал Ю. Барабаш**. А. Овчаренко так суммировал его соображения: «Социалистический реализм, пишет Ю. Барабаш, один и единственный метод советской литературы (во всяком случае, современной). Но этот метод многогранен. Одна из граней — романтизм»***. В противоположность подобным взглядам А. Овчаренко выдвинул концепцию «социалистического романтизма» — сначала в брошюре «Романтизм в советской литературе» (1966), затем в книге «Социалистический реализм и современный литературный процесс» (первое издание — 1968) и последующих работах.

До этого «романтизм», чаще всего не отличае́мый от романтики (в литературоведении четкое разграничение романтизма и романтики предложил Г. Н. Пospelов еще в 1947 году****), признавался в советской литературе неоднократно, в том числе именно как художественный метод; например, Л. П. Егорова, характеризуя состояние данного вопроса, писала: «В монографиях отсутствует четкость в трактовке соотношения метода социалистического реализма и романтических течений, развивающихся как в рамках данного метода, так и вне его»****. Однако чаще использовались самые разные наименования: «течение», «метод изображения», «составная

* См.: Социалистический реализм сегодня. Анкета «ЛУ» // Литературная учеба. 1979. № 6. С. 92.

** См.: Барабаш Ю. Чистое золото правды. О некоторых особенностях эстетики и поэтики Александра Довженко. М., 1963.

*** Овчаренко А. Романтизм в советской литературе // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969. С. 325.

**** См.: Пospelов Г. Проблема романтизма // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. М., 1947. Вып. 3. С. 59–68.

***** Егорова Л. О романтическом течении в советской прозе. Ставрополь, 1966. С. 19.

часть метода», «грань метода», «стилевое явление», «романтическая струя» и т. д.

А. Овчаренко прямо назвал романтизм в советской литературе самостоятельным методом, напомнил, что о социалистическом романтизме спорили в 1933 и 1934 годах вплоть до выступления А. Жданова на Первом съезде писателей, фактически уравнившего романтизм и романтику. Это, писал А. Овчаренко, было одно из возможных решений, однако ждановские определения позволяли воспринимать это решение как единственно возможное; проблема просто оказалась снятой*. Но неужели, спрашивал Овчаренко, А. Грин просто не «дотянул» до реализма? Романтиком был назван также С. Варгун. А. Довженко в терминологии А. Овчаренко — «реалист-романтик», а Ю. Яновский, которого всю жизнь критиковали за романтизм и довели до плохих реалистических произведений, удостоенных похвал, — «романтик-реалист».

В 60-е годы А. Овчаренко не склонен был ограничивать «социалистический романтизм» хронологическими рамками. «*В последнее время, — говорил он, — мы являемся свидетелями резкого обострения романтического начала в современных советских литературах. Усиление его наблюдается не только в украинской литературе, но и в литературах народов Прибалтики и даже в такой отличающейся трезвым реализмом литературе, как белорусская (творчество Я. Брыля, отдельные повести В. Быкова)*»**. Однако с концепцией А. Овчаренко согласились лишь немногие литературоведы***. Б. Сучков, Л. Новиченко, Б. Бялик, Л. Тимофеев и др. выступили против выражения «социалистический романтизм», самым звучанием впрямую соотносившегося с выражением «социалистический реализм» и как бы представлявшего ему альтернативу. Критики концепции А. Овчаренко видели в ней недоверие к многообразию возможностей социалистического реализма, признавали главным образом только романтическое направление или течение «внутри» данного метода. Б. Бялик заявлял: «*Я возражаю против принижения таких художников, как Довженко, Яновский и другие романтики, так как для них (это не относится к Грину) “отлучение” от метода социалистического реализма есть именно принижение <...>. В сущности, А. И. Овчаренко производит не выделение романтизма, а его выселение, притом — выселение без*

* См.: Овчаренко А. И. Социалистическая литература и современный литературный процесс. М., 1973. 2-е изд., перераб. и доп. С. 186.

** Овчаренко А. Романтизм в советской литературе. С. 331.

*** См.: Андреев Ю. Революция и литература. Л., 1969. С. 172; Поспелов Г. Социалистическая литература и ее методы // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969. С. 430–431.

предоставления жилой площади»*. По мнению Б. Бялика, в таком случае в числе реалистов останутся только «серенькие».

С начала 70-х годов А. Овчаренко стал делать оговорку, что социалистический романтизм есть «по крайней мере» на ранних этапах советской литературы**. Но термин «романтизм» так и не сросся в критике с определением «социалистический». Зато без определения он применялся к самым разным явлениям современной литературы, в том числе новейшей, и не вызывал практически никаких возражений, превратившись поистине в «романтизм без берегов». Например, В. Перцовский писал: «Николай Рубцов — поэт-романтик, для которого старая Русь воплощает огромную непрерывность национально-исторической жизни народа <...>»***. Речь идет не о пафосе романтики, а о социально-исторической концепции. Но романтизм — это как раз разрыв исторических эпох, разрыв реального мира и «мира иного», объективного и субъективного, это прежде всего контрастное противопоставление чего угодно, но ни в коем случае не «огромная непрерывность» общеисторического развития. Столь же своеобразно толковал романтизм А. Эльяшевич: «Романтический герой — на то он и романтический — всегда герой душевно монолитный <...>»****. Ничего общего с реальным романтизмом это утверждение не имело. Вопрос, конечно, не прояснялся, а только запутывался тем, что наряду с термином «романтизм» критик использовал выражения «романтическая струя» и «романтическое стилевое течение». По Эльяшевичу, это некая «очищенная», заостренная жизненная правда в пределах социалистического реализма и вместе с тем именно романтизм. К нему критик относит Василя Быкова и Б. Васильева. По этому поводу воображаемый собеседник критика, аттестуемый как его охлаждающий внутренний голос — «он», — замечает, что никто еще не относил этих писателей к романтическому стилевому течению. А. Эльяшевич уже от своего лица отвечает самому себе: «У вас школярское представление о романтизме. Есть две разновидности романтического стиля — “субъективный” (“лирический” или “условный”) романтизм и “объективный”, так сказать, “романтизм наблюдения”»****. Каким образом объективный «романтизм

* Бялик Б. Об одной ложной концепции // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969. С. 525, 526.

** См.: Овчаренко А. И. Социалистическая литература и современный литературный процесс. С. 174.

*** Перцовский В. Продолжение поиска. Литературно-критические статьи разных лет. Новосибирск, 1984. С. 13.

**** Эльяшевич А. Горизонталы и вертикали: Современная проза — от семидесятых к восьмидесятым. М., 1984. С. 40.

***** Эльяшевич А. Горизонталы и вертикали. С. 40–41.

наблюдения» оборачивается «очищенной» и заостренной жизненной правдой, автор не разъяснял.

Гораздо реже, чем романтизм, в критике фигурировали другие методы, но литературоведы в 60-е годы пытались ставить вопрос и об этом. Г. Н. Пospelов во время дискуссии конца 60-х годов о социалистическом реализме решительно высказался за разграничение не только социалистической литературы и социалистического реализма, но и социалистической и советской литературы. Он напомнил о тенденциозно подкрашивавших жизнь произведениях, часто получавших Сталинские премии, не дав, однако, им определения с точки зрения метода. Выступавший признал романтизм и романτικο-реалистические произведения в советской литературе, но оговорил: «<...> я не согласен с тем, что творчество А. Грина следует отнести к социалистической литературе.

Но социалистическая литература — это только одно, основное и ведущее течение в советской литературе». По выражению Г. Пospelова, не овладели сразу или вообще не овладели миропониманием и идеалами научного социализма С. Есенин, И. Бабель, М. Пришвин, Е. Шварц и многие другие. Теоретик возражал Георгию Ломидзе, увидевшему у них «чеховский» критический реализм (это «завышенные требования»), но вообще признавал их критическими реалистами, воплотившими «демократическую» тенденцию развития общественной мысли. Из современной литературы Г. Пospelов выделил «Семеро в одном доме» В. Семина. С его точки зрения, это не «критически-утверждающий» социалистический реализм, а «критический реализм в социалистической литературе», реализм не высшего «познавательного уровня»*.

За несколько лет до этой дискуссии В. Лакшин защищал повесть В. Семина от упреков в натурализме, так что Г. Пospelов был к ней более лоялен, чем первые критики. «Спору нет, — писал В. Лакшин, — если бы писатель натуралистически воспроизвел случайно вырванные из потока действительности “факты”, никто бы не рискнул назвать его повесть правдивой и художественной. Но ведь картина, изображенная В. Семиным, как раз далека от бесстрастного натурализма, от простой регистрации жизненных подробностей, в ней очевидна реалистическая, прочная связь характеров и обстоятельств»**. В. Лакшин не пользовался терминами, обозначающими методы, но явно не собирался выводить В. Семина за пределы реализма. Наша литература, писал он, «должна быть безусловно правдива: она не имеет права лгать хотя бы с помощью идеализации

* Пospelов Г. Социалистическая литература и ее методы. С. 431, 430.

** Лакшин В. Писатель, читатель, критик. Статья вторая // Новый мир. 1966. № 8. С. 238.

или умолчания — иначе она нарушит важные связи в обществе, построенном на демократических и социалистических началах <...>. Партийность искусства неотрывна от его правдивости»*. Доказательством критику послужил не только подробный анализ повести «Семеро в одном доме», но и краткий исторический экскурс: «Когда появились первые повести В. Пановой “Спутники” и “Кружилиха”, раздавались голоса, что писательница слишком “приземлила” героев, снизила, “дегероизировала” их и т. п. Прошло двадцать лет, и вот недавно в одной из статей, резко критиковавших повесть “Семеро в одном доме” за приземленность, натурализм, критик, укоряя автора, привел в качестве примера правдивого и правильного изображения жизни повесть В. Пановой “Спутники”. Так движется история!»**

Теоретики не вняли этому предостережению. М. Храпченко во время дискуссии о социалистическом реализме выразился в общей форме, привычно делая вывод из сказанного другими, как бы налагая резолюцию: «Л. Н. Новиченко, З. С. Кедрина, А. С. Мясников отмечали черты натурализма, свойственные ряду произведений, появившихся в последние годы. Однако разговор о натуралистических тенденциях в нашей литературе, на мой взгляд, ведется несколько робко». И далее: «<...> сейчас возник новый вид натурализма. Эстетическим его обоснованием является теория воссоздания фактов в их реальной сложности, противоречивости. Верное описание фактов, того, что происходит вокруг нас, некоторыми критиками признается, в сущности, более важным, чем художественное обобщение действительности. Теория эта <...> обобщает творческую практику, принципы, выразившиеся в произведениях ряда писателей»***. Не называя имен этих писателей, М. Б. Храпченко говорил, что «скептицизм по отношению к большим идеям и толкает нередко талантливых молодых писателей в трясины натуралистической описательности», что приземление героя тоже «иногда соприкасается с натуралистической имитацией художественного обобщения жизни»****.

Намеки официального главы советского академического литературоведения разъяснил В. В. Новиков. Сначала он напомнил, что повесть В. Быкова «Мертвым не больно» подверглась критике за тенденцию дегероизации, за перемещение изображения с главного, решающего момента в ходе Великой Отечественной войны

* Там же. С. 241–242.

** Там же. С. 255.

*** Храпченко М. Литературные теории и творческий процесс // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969. С. 458.

**** Там же. С. 459, 460.

в сторону частного, отдельного, замкнутого в кругу трагических ощущений и безысходного положения героев (в том же 1968 году, когда проходила дискуссия о социалистическом реализме, И. Виноградов защищал повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» от точно такой же критики, сопутствующей ей с момента ее появления в 1946 году). У Г. Бакланова в романе «Июль 41 года», говорил далее Вас. Новиков, неудачи Красной Армии объясняются только репрессиями 1937–1938 годов. «Сложная объективная картина жизни получает одностороннее осмысление, и это накладывает отпечаток на все повествование, в том числе и на характеристику поведения героев»*. Неясно, к какому методу относит выступающий критикуемые произведения, но, очевидно, не к социалистическому реализму.

Затем он обращается к вопросу о натурализме, заостренному в выступлении Храпченко. «В самом деле, натурализм и его защитники мешают процессу развития и обогащения метода социалистического реализма. Поставим точку над “и”. Речь идет о произведениях В. Войновича, В. Семина, А. Макарова, опубликованных в “Новом мире”. Теория “правды фактов” и первоначальных впечатлений, которую отстаивает этот журнал, как бы реализуется в этих произведениях»**. Дело не в изображении отрицательных сторон нашей жизни, а в отсутствии активного отношения художника к изображаемым явлениям, поясняет Вас. Новиков. Он возражает В. Лакшину, в споре с А. Овчаренко отметившему, что нам не хватает не романтизма, а трезвого реализма. Вас. Новиков начетнически провозглашает, что в социалистическом реализме «суровый реализм и возвышенная романтика находятся в неразрывном единстве», и на свой лад одобряет теорию Овчаренко, отождествляя романтизм с идеализацией: «Ценность статьи А. И. Овчаренко заключается в том, что в ней раскрыты новые черты романтизма в советской литературе, которые связаны с утверждением и поэтизацией положительных явлений в советской действительности, с воспеванием того идеального, к достижению которого стремится и направляет все свои усилия советский народ. Такой романтизм имеет право на самостоятельное существование. Он имеет свои формы и жанры»***. В трактовке теории А. Овчаренко Вас. Новиков достаточно независим от самой теории.

Время показало, что наибольшую опасность для литературы представлял не натурализм, истинный или мнимый, а тенденциозный нормативизм и иллюстративность, против которых боролся

* Новиков В. Активность писателя — какая? // Актуальные проблемы социалистического реализма. М., 1969. С. 529.

** Новиков В. Активность писателя — какая? С. 532.

*** Там же. С. 537.

«Новый мир» Твардовского. Многочисленные высказывания «новомирских» критиков против неправдивой литературы, фальши и идеализации имели в виду именно нормативизм, хотя это понятие и не было обобщено и четко сформулировано критической теорией. Неоднократно высказывались «новомирцы» и против иллюстративности. А. Твардовский в статье «По случаю юбилея» прямо выступал против «иллюстративного» метода с его приверженностью к конъюнктуре*, обещал, что журнал и впредь будет оберегать читателя «от всякого рода подделок под литературу, поверхностной, иллюстративной беллетристики, считая решающим достоинством произведения непосредственную правду жизни и глубину постижения ее писателем с партийных, ленинских позиций», говорил, что критика в журнале «призвана вести борьбу за глубокую идейность, реализм, народность художественного творчества, против убогой иллюстративности, конъюнктурной скорописи, формалистического “извития словес” и просто серятины»**. И. Виноградов в статье о повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», отвечая нормативной критике с ее требованиями активности и четкости авторских позиций, ставил вопрос конкретно: каких позиций? «Именно в этом — существо дела, и формула эстетического остракизма, которому принято было подвергать В. Некрасова, — всего лишь неуклюжая и безграмотная попытка придать видимость академической солидности вовсе не академическому неприятию того, что противостоит идеалу казенно-иллюстративного искусства, созданному усилиями конъюнктурной критики»***. И. Виноградов совершенно справедливо утверждал, что убедительность авторской мысли заключается прежде всего в правде и убедительности самих образов.

В 70-е годы, когда нормативизм и иллюстративность пышным цветом расцвели в «секретарской» литературе, поставившей себя вне критики, проблема нетворческих методов не нашла своего развития. Не возникало новых серьезных соображений и относительно других творческих методов, кроме социалистического реализма, к которому стремились отнести все, чрезвычайно от реализма далекое.

В начале 80-х годов стали раздаваться призывы к активизации теории социалистического реализма. В. Озеров в докладе «Многонациональное единство советской литературы и задачи литературной критики» на Седьмом съезде писателей СССР (июль 1981 года) заявил, что, споря об открытости нашего метода, надо давать конкрет-

* См.: Твардовский А. По случаю юбилея // Новый мир. 1965. № 1. С. 14.

** Там же. С. 18.

*** Виноградов И. На краю земли // Новый мир. 1968. № 3. С. 241.

ные определения нового*. И. Дзеверин на встрече главных редакторов литературоведческих и критических журналов, состоявшейся после XXV съезда КПСС, отметил редкость новых мыслей в трудах о социалистическом реализме**. В редакционной статье «Вопросов литературы», информировавшей о пленуме Совета по критике и литературоведению при правлении Союза писателей, подчеркивалась «нехватка новых методологических подходов»*** в этой области. Вопрос о других методах не поднимался либо отвергался. Так, на том же пленуме по критике В. Гура с этих позиций спорил не только с А. Овчаренко и Ю. Андреевым, признававшими разные методы (последний в литературе после Октября признавал натурализм, романтизм, футуризм и их динамическое взаимопроникновение), но и с А. Метченко, у которого при разграничивании социалистического реализма и социалистической литературы, по мнению В. Гуры, последняя выступает «как явление, не имеющее своего метода <...>. Очевидно, считает В. Гура, самым плодотворным было бы конкретное изучение того, как развивался и обогащался метод социалистического реализма на каждом этапе своего пути»****. Вторя ему, С. Шерлаимова говорила, что «разъединение» социалистического реализма и социалистической литературы «неправомерно как с точки зрения теории, так и с точки зрения литературной практики», что оно (тут выясняется прагматическая причина такой позиции) «может играть на руку противникам социалистического реализма (как случилось, например, в Чехословакии в 60-е годы)»*****. В. Оскоцкий допускал нечто отличное от социалистического реализма лишь в виде отступления от него вследствие мировоззренческих, идеологических заблуждений*****.

В середине 80-х годов в литературоведении прозвучало напоминание, что «идеи социализма можно выражать на основе разных художественных методов», что есть «огромное количество произведений — в том числе в литературе социалистических стран и Советском Союзе, — которые дают правдивую, образную информацию о разных сторонах жизни <...>, но в которых этот реальный жизненный материал еще недостаточно освоен художественно-творческим образом, не претворен на основе принципов социалистического реализма во вторую, собственно художественную действительность.

* См.: Седьмой съезд писателей СССР: Стенографический отчет. М., 1983.

** См.: Дзеверин И. Идти вперед // Вопросы литературы. 1981. № 7. С. 17–18.

*** Метод живой, развивающийся // Вопросы литературы. 1983. № 10. С. 4.

**** Там же. С. 16.

***** Там же. С. 29–30.

***** См.: Там же. С. 14.

Эту литературу можно назвать, вслед за Гете, “простым подражанием природе” <...>. Отмечалось и наличие произведений, в которых «нет и объективной информации о жизни, а есть лишь субъективное авторское отношение к ней»*. Обе разновидности произведений в данном случае не совсем правомерно отождествлялись, характеризовались как «образные иллюстрации» и обозначались термином «нормативизм»**. Одновременно о «нормативном» принципе, порождаемом «слабостью художественной характерологии, в частности нелогичностью поведения персонажа в названной ситуации», напомнил П. А. Николаев, сделавший вывод: «Произведения такого рода с преобладанием в них указанной сюжетной слабости, даже если они не имеют идейных просчетов, не следует относить к реалистическим»***. Было отмечено, что эти явления нередки в современной литературе. Но писательские имена названы не были, как и в книге И. Ф. Волкова. Чтобы смогло развернуться конкретное литературно-критическое обсуждение этих проблем, нужны были принципиальные сдвиги в общественной, прежде всего духовной жизни страны, которые вскоре и принесла «перестройка».

Часть 2.

Вторая половина 1980-х годов

С 1990-х годов российская критика употребляет словосочетание «социалистический реализм» исключительно в негативном значении. Литературоведы академического толка обычно относятся к нему спокойнее, признают историческое существование социалистического реализма именно как разновидности реализма**** (с социалистическим идеалом), которая, однако, в тоталитарную эпоху выродилась в идеологизированный, догматический нормативизм, сохранив прежнее название.

Такое положение в критике и литературоведении сложилось не сразу. Ему предшествовала сравнительно непродолжительная, но бурная идейная борьба в период «перестройки», пик которой пришелся на 1989 год. Ныне это предано забвению. В хронике литературной жизни 1986–2000 годов, составленной Н. Б. Ивановой,

* Волков И. Литература как вид художественного творчества. М., 1985. С. 83–84.

** Там же. С. 84–85.

*** Николаев П. Доверие к теории. С. 30, 31.

**** Правда, даже из лучшего учебника теории литературы неясно, существовал ли в действительности социалистический реализм. Посвященного ему параграфа нет, он упоминается лишь в связи с его насаждением марксистской эстетикой (см.: Хализев В. Теория литературы. М., 2009. 5-е изд., испр. и доп. С. 42, 112, 133, 331, 393).

под 1989 годом никакие дискуссии о социалистическом реализме, будоражившие тогда читателей, не упоминаются, хотя раздел, посвященный этому году, носит заглавие «Война за культуру дискуссий»*. В аналогичной хронике С. И. Чуприна за 1986–2008 годы под 1989-м о том, что имеет отношение к художественным методам, только и сказано применительно к 8 февраля: «Статьи Сергея Чуприна “Другая проза” и Дмитрия Урнова “Плохая проза”, опубликованные в “Литературной газете”, легализуют в российской печати авангардистскую и постмодернистскую литературу»**. В монографии Биргит Менцель о критике периода «перестройки» часть «Две характерные дискуссии» содержит главы «Переоценка классического наследия» и «“Другая литература” / постмодернизм»***, а о дискуссии по проблеме соцреализма речи нет. Полностью игнорируются теоретические дискуссии конца 80-х в главе «Критика на рубеже 1980–1990-х годов» первого учебника по истории критики XX века****.

Непосредственно данной теме были посвящены лишь две краткие статьи одного автора под одним и тем же названием, но не совпадающие в текстах буквально*****. Материал, привлеченный в новой работе этого автора*****, здесь можно не затрагивать. Других выступлений по проблеме социалистического реализма было достаточно, и в горячих спорах их участники как правило не приходили даже к относительному согласию. Это важно для понимания атмосферы того сложного и живого переходного времени.

В 1960-е — первой половине 1980-х годов критики и литературоведы пытались сказать что-то новое о методах советской литературы (эмигрантской словно не существовало), но чаще всего безуспешно.

* Иванова Н. Скрытый сюжет: Русская литература на переходе через век. СПб., 2003. С. 315–325.

** Чуприн С. Русская литература сегодня: Новый путеводитель. М., 2009. С. 31.

*** См.: Менцель Б. Гражданская война слов: Российская литературная критика периода перестройки. СПб., 2006. С. 178–212, 213–255.

**** См.: Голубков М. История русской литературной критики XX века (1920–1990-е годы). М., 2008. С. 298–319.

***** См.: Белоус Л. 1) Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки» // Вопросы филологии. 2006. № 6. С. 344–348; 2) Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки» // Русская литература XX–XXI веков: Проблемы теории и методологии изучения. Материалы Третьей Международной научной конференции. М., 2008. С. 492–494.

***** См.: Белоус Л. Участие журнала «Вопросы литературы» в полемике периода «перестройки» о методе социалистического реализма // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 1. С. 32–36.

Больше говорили об одном методе — социалистическом реализме, универсализируя его. Например, Д. Ф. Марков с его схоластической теорией социалистического реализма как «исторически открытой системы» утверждал, что сложившаяся социалистическая культура уже «является по существу культурой общечеловеческой»*, а социалистический реализм «сливается с общими свойствами правдивого искусства, равнозначен ему по своему содержанию»**. Тезис же об «исторической» открытости восхваляемого метода был как раз в высшей степени неисторичным. При его доведении до логического конца получилось бы, что и после задуманного марксистами построения коммунизма в литературе все равно остался бы социалистический реализм и вообще кроме него в будущем ничего не может быть. В условиях официальной поддержки такой теории была возможность только бегло упомянуть зарождающиеся «элементы метода будущей литературы»***, литературы общечеловеческого детерминизма.

С началом «перестройки» активизировались сторонники идеи плюрализма методов в советской литературе. 24 сентября 1986 года в «Литературной газете» И. Ф. Волков выделил в советской литературе 20-х годов критический реализм (М. Булгаков, В. Шишков), романтическую литературу (наряду с творчеством А. Грина он счел возможным отнести сюда пролетарскую поэзию, не учитывая ее активно антиличностную направленность) и различные течения модернизма, «особенно символизм и футуризм». Автор приветствовал утверждение на рубеже 1920–30-х годов социалистического реализма в лице Шолохова, А. Толстого, Леонова, Твардовского, отличая от их произведений появившиеся в 30–50-е годы «произведения нормативного толка, своеобразного классицизма, а то и просто схематичные, поверхностные либо “лакировочные” и парадные»****. Через месяц П. А. Николаев констатировал: «У нас в последние десятилетия вполне мирно уживаются рядом реализм, романтизм, натурализм, сентиментализм». Он говорил также об «иллюстрировании идей», при котором «трудно ждать большого творческого успеха»*****.

* Марков Д. Системное единство социалистического реализма // Вопросы литературы. 1983. № 1. С. 24.

** Марков Д. О формах художественного обобщения в социалистическом реализме // Вопросы литературы. 1972. № 1. С. 83.

*** Кормилов С. Реализм: Причины и следствия // Литературная учеба. 1981. № 3. С. 152.

**** Волков И. «Чувство социальной ответственности» // Литературная газета. 1986. 24 сентября. С. 3.

***** Николаев П. Критика как наука // Литературная газета. 1986. 22 октября. С. 4.

Первоначально возрожденная идея плюрализма методов не привлекла должного внимания. В. Лукьянин спустя полгода согласился с П. Николаевым в том, что «не все публикуемое (даже талантливое) можно отнести к реализму»*, но сосредоточился на тех именах и произведениях современной литературы (со своеобразной тематикой, коллизиями, художественными приемами), которые «никто не попытался рассмотреть <...> через призму понятия “социалистический реализм”»**. Назывались давние произведения Б. Можяева и В. Белова, упоминались Ю. Трифонов и В. Шукшин, производственно-публицистическая драматургия и драматургия «новой волны», опыт «сорокалетних» и недавние острокритические вещи. Во всем этом далеко не равнозначном материале В. Лукьянин видел углубление социалистического реализма без какого-либо «посягания» на его «основы», недаром статья имела заглавие «Устаревшие формулы и незыблемость сути».

Аналогичной по смыслу и даже более традиционной была статья узбекского критика Н. Худайбергана «Черно-белые краски и правда жизни», напечатанная вскоре после того, как на пленуме совета по критике и литературоведению СП СССР «*среди прочих высказывалась и такая точка зрения: метод социалистического реализма устарел, советской литературе надо от него отказаться*» (редакционное предисловие). Н. Худайбергана возражал слишком ревностным хранителям устоев, например, историку М. Вахабову, который в статье «Правде истории вопреки» (газета «Правда Востока». 1986. 4 декабря) обвинял роман П. Кадырова «Звездные ночи» в том, что он «*совершенно отходит от позиции социалистического реализма в сторону мелкобуржуазного романтизма*»; но сам критик не предложил никакой более грамотной концепции, кроме традиционной концепции единственного метода: «Творческий метод советской литературы должен трактоваться как незыблемое художественное орудие познания жизни во всей ее социальной сложности и глубине. Всякие внешне привлекательные, но в сущности догматические, демагогические принципы подхода к неординарным, острым явлениям в жизни и литературе должны быть отвергнуты»***.

Почти одновременно стиховед Б. П. Гончаров, применявший социологизм даже к метрике, выступил в поддержку не только единственности «*нашего метода*», но и, в отличие от В. Лукьянина, его формулировки, записанной в уставе Союза советских писа-

* Там же.

** Лукьянин В. Устаревшие формулы и незыблемость сути // Литературная газета. 1987. 1 апреля. С. 2.

*** Худайбергана Н. Черно-белые краски и правда жизни // Литературная газета. 1987. 22 июля. С. 2.

телей 1934 года. По мнению Б. Гончарова, «не так уж устарела эта формулировка», поскольку современные произведения («Пожар» В. Распутина и другой «Пожар» — А. Ткаченко) написаны «во имя революционного развития действительности»*. Очень скоро стало абсолютно ясно, что В. Распутин предпочитал эволюционное развитие. Но главное — в уставе говорилось не просто об идеале («во имя» чего), а непосредственно об изображении «действительности в ее революционном развитии», что скорее является требованием к сюжету, чем к методу. А. Байгушев в журнале «Молодая гвардия» весьма эмоционально отреагировал на мнение П. Николаева и В. Лукьянина о том, что не все в современной литературе можно отнести к реализму: «Однако к чему же тогда? Неужели все-таки к модернизму?!»** Здесь и мистический ужас перед модернизмом, и полное отсутствие мысли о каких-то других возможностях. «В дискуссию о социалистическом реализме журнал “Наш современник” вступил статьей Ю. Сохрякова “Ненавидеть зло сейчас мало” (№ 12 за 1987 год), где критик отвергал тот факт, что МСР (метод соцреализма. — С. К.) создавался по указке отдельных лиц для обработки масс в определенном идеологическом духе»***.

Правда, далеко не либеральный, но с 1960-х годов проводивший идею существования «социалистического романтизма» критик А. И. Овчаренко в юбилейной (написанной к 70-летней годовщине революции) статье «Революция и литература»**** («Москва». 1987. № 11), «превознося социалистический реализм, вместе с тем напоминал коллегам о возможности говорить про другие <...> направления в литературе: критический реализм, натурализм, модернизм и революционный романтизм»*****.

На таком фоне еще в первой трети 1988 года сильно и оригинально прозвучала статья Е. А. Добренко «Превратности метода», в которой за пределы социалистического реализма выводилась лакировочная и односторонняя литература, но сам метод, объясняемый просто как правда жизни, сомнению не подвергался. Вместе с тем говорилось о произведениях Замятина, Платонова, Булгако-

* Гончаров Г. Короткое слово «лишь»... // Литературная газета. 1987. 29 июля. С. 3.

** Байгушев А. Преодоление. Статья третья. Опыт созидания // Молодая гвардия. 1987. № 12. С. 233.

*** Белоус Л. Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки». С. 345.

**** Овчаренко, очевидно, не помнил, что нашумевшая в первой половине 20-х книга еще не «реабилитированного» в 1987 году Л. Д. Троцкого называлась «Литература и революция».

***** Белоус Л. Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки». С. 494.

ва, Пильняка, с одной стороны, и Серафимовича, Фадеева, с другой: «*Это разные методы*». О методе не получавших официальной поддержки писателей было сказано как о «вершинном явлении реализма»*. Но обоснования его особенностей именно как метода Добренко не предложил.

13 апреля 1988 года «Литературная газета» напечатала ответы ряда литературоведов на анкету о социалистическом реализме. Никто из профессионалов-теоретиков его не отрицал. В. Н. Захаров, как это уже не раз делалось, призвал построить новую теорию социалистического реализма на основе реального богатейшего опыта литературы, а В. В. Курилов — реабилитировать этот метод с опорой на классику, прежде всего «Тихий Дон». М. М. Гиршман, А. М. Гуторов, В. В. Эйдинова отнесли произведения, ставшие достоянием широкого советского читателя лишь в последнее время (в том числе произведения Булгакова, Платонова, Ахматовой), к социалистическому реализму или во всяком случае объединили их на некоей широкой платформе с «Тихим Доном», творчеством Твардовского — с тем, что традиционно не вызывало сомнений в принадлежности к социалистическому реализму, хотя это и не во всем соответствовало действительности. Осторожный В. И. Тюпа обтекаемо, не ссылаясь на материал, заметил: «Нынешняя теория социалистического реализма стремится к построению непротиворечивой модели, а между тем развивающееся явление, как известно, немислимо без движущей силы диалектических противоречий»**. В. В. Прозоров, как ранее П. А. Николаев, нашел корректным говорить применительно к советской литературе о реализме, романтизме, сентиментализме, модернизме, а В. М. Переверзин, подобно И. Ф. Волкову, — о критическом реализме (на примере «Собачьего сердца» Булгакова).

Через полтора месяца та же газета опубликовала материалы «круглого стола» на тему «Отказываться ли нам от социалистического реализма?». В. И. Гусев признал правомерность данного термина с социально-идеологической точки зрения, подчеркнув, что

* Добренко Е. Превратности метода // Октябрь. 1988. № 3. С. 184. Л. В. Белоус неверно писала, будто «Е. Добренко в этой статье отождествлял социалистический реализм с реализмом вообще», но верно, что «позднее он под социалистическим реализмом понимал уже только сталинский нормативизм <...>». Далее опечатка — «внедидактического» вместо «дидактического» в словах «В статье Е. Добренко “Превратности метода” предлагалось пересмотреть теоретические основы соцреализма, избавить их от догматики, от внеисторического и внедидактического подхода к литературе, от устаревших приказных установок» (Белоус Л. Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки». С. 345).

** Социалистический реализм: Спорные проблемы // Литературная газета. 1988. 13 апреля. С. 3.

сущность искусства глубже этого, и отнес к социалистическому реализму как «Поднятую целину» М. А. Шолохова (при всех претензиях к ней), так и «Котлован» А. П. Платонова. Р. Т. Киреев резко выступил против монополизации, за плюрализм методов, не отрицая социалистический реализм вообще, но оговаривая: *«Сейчас такое клеймо пытаются ставить на возрожденных книгах Платонова, на романе Гроссмана “Жизнь и судьба”, а там, глядишь, дело до Набокова дойдет»*. Ю. Б. Борев определил термин «социалистический реализм» как *«вульгарно-социологический кентавр»*, слияние политического термина с эстетическим. *«По этой же схеме создали понятия “революционный” и “реакционный” романтизм, от которых наша эстетика давно отказалась»*. Вместе с тем Ю. Б. Борев утверждал, что В. Гроссман в «Жизни и судьбе», А. Бек в «Новом назначении», А. Твардовский в поэме «По праву памяти» *«отошли не от социалистического реализма, а от установленных бюрократией границ его применения»*, но существенная часть нашего искусства в рамки социалистического реализма не вмещается («Мастер и Маргарита», «Чевенгур», «Реквием», «Алые паруса»). *«Возможны разные пути теоретического описания нашей художественной ситуации: или ввести в обиход другие методы (бытийный реализм? Романтизм?) наряду с социалистическим реализмом, или расширить емкость последнего при новом его определении, а возможно, и переименовании»*, — заявлял Борев. В поддержку социалистического реализма, очищенного от идеализации, выступил В. А. Сурганов, оговоривший, что он не стал бы категорически «разводить» Платонова и Шолохова: *«Ибо можем ли мы утверждать, что в “Чевенгуре” автор отвергает, а не защищает идеалы Революции?»** И. Ф. Волков поддержал не только понятие, но и термин «социалистический реализм» и развил свою давнюю, по его словам, идею разных методов советской литературы. Критический реализм теперь отмечается не только у Булгакова, но и в «Пушкинском доме» А. Битова; в «Московской улице» Б. Ямпольского усматриваются принципы, близкие к экспрессионизму. Член редколлегии «Литературной газеты» С. Д. Селиванова, подводя итоги дискуссии, назвала попытки отказаться от социалистического реализма слишком поспешными.

В дальнейшем газета дала еще несколько публикаций на эту тему. М. М. Голубков активно поддержал идею плюрализма методов и возвел «Печальный детектив» В. Астафьева, «Пожар» и даже «Прощание с Матерой» В. Распутина к опыту сентименталистов, «искавших добро и зло вне социальных и исторических закономерностей,

* Отказываться ли нам от социалистического реализма? // Литературная газета. 1988. 25 мая. С. 3.

но лишь в тайниках души <...>* . Социалистический реализм при этом рассматривался как метод, отличающийся прежде всего единством концепции личности, идеалом «непрерывно растущего человека». В качестве разных его проявлений были названы, кроме советской классики, «Буранный полустанок» Ч. Айтматова и повесть В. Маканина «Один и одна».

Но читательские письма говорили о настроениях радикально-отрицательных. В номере «Литературной газеты» от 20 июля 1988 года искусствовед Е. Рубаха, художник А. Биянов, журналист А. Гусовский выступили за отказ от социалистического реализма, вообще от понятия метода, связывая с ним политизацию и догматизацию искусства. Читатель Г. Андриянов высказывался против раздувания понятия «социалистический реализм» за счет всяких добавлений, относя его к нормативной эстетике. Филолог М. В. Строганов также сомневался в целесообразности понятия «метод» применительно к литературе XX века, не отвергая, впрочем, его целиком, отмечая официальную поддержку «нормативного метода». Во всей подборке лишь письмо философа И. Жукова «Остается ведущим» утверждало ведущую роль социалистического реализма, да и то говорилось о переориентации в наше время, время критического осмысления действительности, значительной части советской литературы на критический реализм (к которому отнесена также проза Зоценко, Ильфа и Петрова)**.

«Новый мир» в № 9 за 1988 год напечатал две статьи, непосредственно посвященные проблеме социалистического реализма. В первой из них автор, Е. А. Сергеев, возражал против «самого прогрессивного метода», утверждал, что ранние произведения А. А. Фадеева, М. А. Шолохова, А. Н. Толстого «к классике соцреализма <...> приписаны задним числом», что их позднейшие произведения не выдерживают сравнения с ранними. Е. А. Сергеев справедливо констатирует, что теоретики пишут о соцреализме только на примере Горького, Фурманова, Серафимовича, Gladkova, и делает вывод о неприменимости этого понятия к современности, так как «нет уже практически (остались лишь редкие рецидивы) и самого этого метода. Литература отказалась от него на рубеже 60-х годов. Отказалась дружно и резко, потому что резко изменилась жизнь...»***. Автор предлагает сравнить ранние и поздние произведения П. Нилина, А. Яшина, К. Симонова, Ю. Трифонова. «Социалистический

* Голубков М. Конкретика метода // Литературная газета. 1988. 24 августа. С. 3.

** См.: Социалистический реализм: Спорные проблемы. С. 6.

*** Сергеев Е. Несколько застарелых вопросов // Новый мир. 1988. № 9. С. 142, 143.

реализм» трактуется как «самый неудачный» термин: метод, «названный в середине 1930-х годов социалистическим реализмом, был чрезвычайно далек от реализма; и по форме и по сути он гораздо больше походил на классицизм^{*}. Это был по своей сути «приказной» метод. Е. Сергеев оспаривает статью Е. Добренко «Превратности метода» и выступления большинства литературоведов в «Литературной газете», он видит в расширении понятия «социалистический реализм» ту же логику, вывернутую наизнанку^{**}.

Еще строже судил «социалистический реализм» публицист А. Гангнус. Основываясь на дореволюционных и отчасти позднейших высказываниях Горького и Луначарского, автор стремится доказать махистскую подоплеку теории социалистического реализма, в сущности отождествляет эту теорию, взятую как некое единство, с пролеткультовскими идеями и одновременно с рапповским неразличением творчества и идеологии. А. Гангнус не только категорически против попыток «прописать в коммуналке соцреализма Булгакова, Платонова (бывало, и Солженицына), деревенщиков», но и против отнесения к социалистическому реализму «Жизни Клима Самгина» Горького: «Возможно, именно <...> смутное чувство собственной вины заставило его как-то уж особенно беспощадно выволакивать пустозвонство и безответственность своего главного героя-интеллигента, несомненно сходного во многом с самим Горьким и с его ближайшими друзьями-единомышленниками»^{***}. Такой глобальный вывод, правда, делался на основании предположения о «смутном чувстве» Горького.

Отрицательная тенденция в отношении к социалистическому реализму укрепилась в 1989 году, хотя было и сопротивление ей. Год начался прямо противоположными по смыслу статьями Арк. Эльяшевича «Приглашение к разговору. Социалистический реализм вчера, сегодня... и завтра» (ленинградский журнал «Звезда». 1989. № 1) и Игоря Золотусского «Крушение абстракций» («Новый мир». 1989. № 1). Эльяшевич, известный тем, что в 1954 году, когда в критике наметились антидогматические тенденции, призывал создавать «праздничную литературу»^{****}, и теперь «был убежден в том, что социалистический реализм в 1989 году не только суще-

* Там же. С. 145. Искусствовед С. Фрейлих отмечал «сходство стиля в искусстве тоталитарных режимов» — «черты ложного классицизма, проявившегося особенно наглядно в архитектуре и кино» (Фрейлих С. Риск исторических параллелей: Размышления после Московского кинофестиваля // Известия. 1989. 2 августа. С. 3).

** См.: Сергеев Е. Несколько застарелых вопросов. С. 146.

*** Гангнус А. На руинах позитивной эстетики. Из истории одного термина // Новый мир. 1988. № 9. С. 157, 163.

**** Эльяшевич А. Будни или праздники? // Звезда. 1954. № 10. С. 184.

ствовал, но и продолжал развиваться, приобретая новые черты <...> Более того, возвращенная литература, как писал А. Эльяшевич, не подорвала авторитет метода, а придала ему стройные очертания и внутреннюю завершенность. Возрождение общечеловеческих нравственных ценностей, практически несовместимых с классовым подходом к явлениям и людям, А. Эльяшевич также вводил в весьма размытые рамки МСР.

Критик, рассуждая о соцреализме, не замечал разительных противоречий: он описывал ситуацию в литературе 1930–50-х годов, когда герои существовали в «самом прекрасном и справедливом» обществе, и в словесности последних лет, по его мнению, утратившей представление об идеальной стерильности среды, о гармонии в отношениях общества и личности, народа и государства. А метод при этом, как следовало из рассуждений критика, писатели использовали один — соцреализм»*.

И. П. Золотусский, напротив, определял социалистический реализм как «теоретический фантом, который царствовал над литературой пятьдесят лет». По мнению критика, «только сейчас все увидели, что это Крошка Цахес, который утонул в собственном горшке»**. Немного мягче выразился А. Егиазарян в анкете «О чем молчим? И почему?»: «<...> социалистический реализм чаще всего выступал нормативной категорией, средством обуздания свободной литературной стихии». Естественно, вновь открываемые пласты литературы прошлого А. Егиазарян отказался подводить под определения соцреализма и партийности, считая вместе с тем, что эти книги имеют огромное значение «именно для строительства социалистической культуры»***. Когда главный редактор «Вопросов литературы» Д. М. Урнов во время международного «круглого стола» на тему «Социализм и литература» сказал, что сейчас ставить под вопрос такие понятия, как социалистический реализм и партийность, «*поспешно и опрометчиво*», А. Г. Бочаров заметил на это: «Я-то, грешным делом, такую попытку предпринял в ответах на анкету “Вопросов литературы”, и спасибо, что журнал опубликовал мое мнение (1988, № 11)»****.

* Белоус Л. Дискуссии о методе социалистического реализма в литературной критике периода «перестройки». С. 346–347.

** Золотусский И. Крушение абстракций // Новый мир. 1989. № 1. С. 236. Ср.: «Сейчас наши теоретики бьются над тем, как усовершенствовать социалистический реализм, приспособив его к настоящей минуте, реанимировать этот истлевший труп» (Золотусский И. Куда ж нам плыть? // Юность. 1989. № 11. С. 60).

*** О чем молчим? И почему? // Вопросы литературы. 1989. № 1. С. 81. 82.

**** Социализм и литература // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 9, 26. Еще в 1987 году А. Г. Бочаров утверждал, что формула социалистического ре-

Напечатанный в марте 1989 года первый проект нового устава Союза писателей уже не содержал словосочетания «социалистический реализм», но гласил, что при плюрализме мнений, многообразии эстетических исканий и литературных направлений Союз писателей последовательно поддерживает «произведения, реалистические по методу и социалистические по идеалу»^{*}. Показателен следующий факт. В. Е. Ковский еще в сентябре 1988 года заявил, что пока «социалистический реализм» фактически служит удостоверением в идеологической «благонадежности», он, критик, «вынужден утверждать: А. Платонов, М. Булгаков, М. Зощенко, Б. Пастернак, А. Ахматова, О. Мандельштам — все они социалистические реалисты. А в современности — и Н. Рубцов, и В. Шукшин, и В. Семин, и Л. Петрушевская»^{**}. По мнению В. Ковского, политизация научных проблем лишала нас возможности объективно и научно обсуждать существо и функции этого метода. Но уже менее чем через год этот автор совместно с группой других выступил прежде всего против процитированного положения из проекта писательского устава: «В творческом плане устав, стыдливо отказавшись от термина “социалистический реализм”, продолжает навязывать всю его понятийную систему»^{***}.

В. Г. Воздвиженский не отрицал соцреализм как определенную установку в поэмах Маяковского, «Разгроме» и «Поднятой целине», «Как закалялась сталь» и «Хождении по мукам», «Оптимистической трагедии» и «Кремлевских курантах», отводил ему свое конкретно-историческое место в советской литературе, но утверждал, что социалистический реализм «как эстетическая теория» не помогает понять эстетическую природу советской литературы, не объясняет, «чем отличается само художественное вещество “Тихого Дона”

ализма как исторически открытой системы правдивого изображения действительности (Д. Ф. Маркова) принята «большинством теоретиков и практиков» и что «социалистический реализм — метод живой, развивающийся, раскрывающий по мере движения самой литературы свои поистине безграничные потенциальные возможности» (Современная русская советская литература: в 2 ч. М., 1987. Ч. 2. С. 145, 138).

* Устав Союза писателей СССР. Проект // Литературная газета. 1989. 22 марта. С. 3.

** Ковский В. Культ метода: Причины и следствия // Литературная газета. 1988. 7 сентября. С. 3.

*** Аким Я, Грушко П., Ковский В., Кондратьев В., Курчаткин А., Сарнов Б., Строева М. Какой Союз сегодня необходим // Литературная газета. 1989. 16 августа. С. 3. Непосредственно против новой формулы ранее выступил А. А. Гангнус в диалоге с А. Я. Зисем (см.: Мифы социалистического реализма? // Литературная газета. 1989. 17 мая. С. 3). Второй вариант проекта устава уже не содержал ничего подобного (см.: Устав Союза писателей СССР. Проект // Литературная газета. 1989. 20 декабря. С. 2).

от “Войны и мира”, “Василия Теркина” — от “Кому на Руси жить хорошо”, “Оптимистической трагедии” — от пьес, скажем, Леонида Андреева”, а это отличие, по мысли критика, должно было бы быть очевидно, “как очевидно отличие художественного вещества произведений классического (“критического”) реализма от произведений, допустим, романтизма”*. Однако естественно, что очевидных различий между реализмом вообще и романтизмом больше, чем внутри реализма на разных стадиях его существования. Эту-то стадиальность В. Г. Воздвиженский в своих теоретических выводах никак не отмечал.

Еще проще поступал А. А. Урбан, противопоставляя в истории советской литературы «секретарский» социалистический реализм, «секретарскую» литературу «от А. Фадеева и А. Суркова до Г. Маркова и С. Сартакова» (ставя на одну доску достаточно различные исторически и эстетически явления) и «задавленный» социалистическим реализмом «реализм в самом широком смысле слова — от Е. Замятина, Б. Пильняка, А. Платонова до Б. Пастернака, В. Гроссмана, В. Шаламова...»**, причем этот «реализм в самом широком смысле слова» (теоретически весьма уязвимое определение) также соединял различные с точки зрения метода художественные ценности. Читатель «Литературной газеты» научный работник А. Филаретов задел социалистический реализм даже в связи с защищаемой им эротикой в кино: «<...> прилив секса, грубости и “бытовщины” на экраны есть совершенно неизбежный этап прорыва нашего кинематографа от кастрированного соцреализма к реализму истинному»***. Заместитель главного редактора журнала «Литературный Киргизстан» Н. Локтев обобщал в мировом масштабе: «Искусство соцреализма, монополизировав право на творческие искания в стране, для всеобщей культуры XX века осталось слабой, недоношенной ветвью»****.

В печати появились высказывания о социалистическом реализме, исходящие из эмигрантских кругов. Были опубликованы эссе А. Д. Синявского более чем тридцатилетней давности «Что такое социалистический реализм»***** («Литературное обозрение». 1989.

* *Воздвиженский В.* Путь в казарму, или Еще раз о наследстве // Октябрь. 1989. № 5. С. 182.

** О чем молчим? И почему? С. 62.

*** Резонанс. «Умрем без секса!» // Литературная газета. 1989. 27 сентября. С. 8.

**** *Локтев Н.* Возвращение Набокова. Заметки об интеллигентности в литературе // Литературный Киргизстан. 1989. № 8. С. 133.

***** Именно там впервые говорилось: «По своему герою, содержанию, духу социалистический реализм гораздо ближе к русскому XVIII веку, чем к XIX. <...> “Осьмнадцатое столетие” родственно нам идеей государственной целесообразности, чувством собственного превосходства <...>. Мы при-

№ 8) и его выступление на копенгагенской встрече деятелей культуры, в котором говорилось: «<...> я вдруг обнаружил, что социалистический реализм кончился или кончается. С этим фактом советскую литературу можно только поздравить. Уж очень много вреда принес искусству соцреализм». А. Синявский приветствовал в качестве «одной из форм раскрепощения» литературы «своего рода фантастический реализм как способ более углубленного постижения реальности»*, приводя в пример повесть М. Кураева «Капитан Дикштейн». Скульптор Э. Неизвестный сказал советским интервьюерам, что социалистический реализм — метод идеологический, а не художественный, он не позволяет «отвечать на целый ряд вопросов глобального мировоззренческого порядка — жизнь, смерть, свобода, Бог, дьявол, вечность, ненависть, любовь... Короче, архетипные понятия, вы понимаете»**.

В среде советских литературоведов и эстетиков крайние тенденции не получили решительной поддержки. А. Я. Зись в диалоге с непримиримым А. А. Гангнусом упрекнул его в неисторичности, подчеркнул, что при всех извращениях, при том, что «концепция социалистического реализма была использована сталинщиной в репрессивных целях», у нас тем не менее «есть замечательная литература, прекрасное искусство, и теперь дело не в том, назовем ли мы их творческий метод соцреализмом или иначе». Закljučая дискуссию, К. А. Степанян оговорил вопросы, оставшиеся непроясненными: если отбрасывать социалистический реализм, «то что предложить взамен, можно ли и насколько необходимо ставить вопрос о методе СОВРЕМЕННОЙ советской литературы или о различных ее методах и т. д.»***. 11–12 мая 1989 года в Институте мировой литературы состоялась конференция «История советской литературы: Новый взгляд»****. Директор Института Ф. Ф. Кузнецов сообщил о спорах, которые шли на конференции вокруг социалистического реализма: «Верх одержала та точка зрения, что это явление прежде всего историко-литературное, за которым стояла объективная реальность: литература, искусство, вызванные к жизни Октябрьской революцией и выразившие самосознание

шли к классицизму. <...> социалистический реализм, пожалуй, имело бы смысл назвать социалистическим классицизмом» (Терц Абрам. Путешествие на Черную речку. М., 2002. С. 125, 128).

* Копенгагенская встреча деятелей культуры // Вопросы литературы. 1989. № 5. С. 42, 43.

** Васинский А., Шальнев А. Эрнст Неизвестный: В искусстве нельзя приказывать... // Известия. 1989. 17 июня. С. 6.

*** Мифы социалистического реализма? С. 3.

**** См.: История советской литературы: Новый взгляд // Литературная газета. 1989. 17 мая. С. 3.

народа, строившего новую жизнь». Со ссылкой на доклад М. М. Голубкова Ф. Ф. Кузнецов разграничил настоящий творческий метод и нормативно-эстетическую систему, существовавшую в 1940–50-е годы, — то и другое сейчас определяется одним и тем же термином*. «Разве не антиисторической является попытка критики объявить возникновение понятия социалистического реализма случайным, производным от воли одного человека? Ведь поиски формулы нового искусства шли с начала 1920-х годов <...>»**, — напоминал П. А. Николаев.

Тем не менее уже в конце 1989 года резко отрицательные и пренебрежительные характеристики «соцреализма» в выступлениях писателей, художников и критиков практически подавили попытки литературоведов подойти к данному вопросу исторически и дифференцированно. Отрицание «соцреализма» стало чем-то само собой разумеющимся. Как выразился представитель «новой», «другой» прозы В. Пьецух, «Горький выдумал социалистический реализм, который так же невозможен с эстетической точки зрения, как социалистическая стенокардия <...>»***. З. Абдуллаева определила термином «соцарт» застойную кинематографию и писала, что это, «как утверждают знатоки, и есть “соцреализм сегодня”»****. Она иронизировала насчет нелепостей советской действительности: «Франц Кафка должен быть объявлен классиком социалистического реализма, представившим феноменологию нашей типичной жизни в типичных же обстоятельствах»****. И. Глазунов в интервью сослался на едва ли не общее мнение работников его цеха: «Соцреализм, как остроумно подметили художники, — это умение хвалить начальство в доступной для него форме. Еще французский мыслитель и великий писатель Камю обмолвился где-то: как же так? Реализм того, чего нет? Нет социализма, и вдруг реализм социализма... Нонсенс»*****.

Критики, выступавшие в «Диалогах недели», проводимых «Литературной газетой», относили к «соцреализму» только те произведения, которые оценивались ими пренебрежительно. «Высший

* См.: Кузнецов Ф. История советской литературы: Новый взгляд // Литературная газета. 1989. 16 августа. С. 4.

** Николаев П. О терминах, и не только о них // Филологические науки. 1989. № 5. С. 9.

*** Пьецух В. А вот почему я не коммунист // Иностранная литература. 1989. № 9. С. 245.

**** Абдуллаева З. Тройка, семерка, зеро... // Искусство кино. 1989. № 9. С. 29, 30, 31.

***** Там же. С. 26.

***** Илья Глазунов: Беседа с «королем ки[т]ча», как называют Илью Глазунова некоторые критики // Огонек. 1989. № 51. С. 9.

образец соцреализма — “Интердевочка” Кунина»*, — с сарказмом говорил В. Г. Бондаренко. На предположение А. М. Марченко, что в виде «другой» или «артистической» прозы, может быть, «просто вернулся честный реализм, а мы, вскормленные безбелковой смесью остаточного соцреализма, не узнали его?», Е. Ю. Сидоров возразил: «Артистизм был и у Андрея Вознесенского и Василия Шукшина, у Ивана Драча и Иманта Зиедониса, Фазиля Искандера и Андрея Битова, у Юнны Мориц и Владимира Орлова в “Альгисте Данилове”, у Тимура Пулатова и Тимура Зульфикарова, а вот соцреализма уже не было»**. Чуть позже тот же критик сообщил: «В одном из “Диалогов” я назвал романы П. Проскурина и А. Иванова “агонией соцреализма”. Видимо, это полемическое определение показалось редакции слишком сильным, и оно исчезло из текста без ведома автора. Придется его восстановить»***.

Когда Г. Я. Бакланова спросили о том, остаются или исчезают «такие понятия, как социалистический реализм, коммунистическая идейность, партийность литературы», писатель, по сути, признал их не имеющими и не имевшими значения, так как большое искусство долговременно и общечеловечно. При этом были названы «Война и мир», «Дон Кихот», «Братья Карамазовы», «Гамлет», «Божественная комедия», «Слово о полку Игореве». «Искусство не надо вгонять в схему»**** — таково заключение писателя. Но значит ли это, что все произведения от «Слова о полку Игореве» до «Братев Карамазовых», даже если не брать позднейшие, ничем не различаются по своим основным содержательным принципам? Общечеловеческое содержание может создаваться с помощью разных художественных методов (или основных содержательных творческих принципов, если признать сам термин «метод» дискредитированным).

Теоретическая неопределенность привела к тому, что в книге Г. А. Белой (скорее литературоведа, чем критика) о литературной группировке 1920-х годов «Перевал» оказались два совершенно разных соцреализма. Исследовательница писала, что в 1932 году «в критике поднялся бум, связанный с понятием “социалистический реализм”. Лишенное четких границ, это понятие было вполне определенной установкой на создание управляемого тенденциозного, нормативного, государственного искусства. Такое искусство существовало, и поэтому вряд ли правомерно относиться к понятию

* Бондаренко В., Новиков В. Не поговорить ли о литературе? // Литературная газета. 1989. 1 ноября. С. 2.

** Марченко А., Сидоров Е. По закону надежды и идеала // Литературная газета. 1989. 27 декабря. С. 2.

*** «Диалог недели»: Итоги года // Литературная газета. 1990. 3 января. С. 5.

**** Бакланов Г. Больше достоинства // Правда. 1989. 30 октября. С. 3.

“социалистический реализм” как к сталинской выдумке. Другое дело, что подлинное искусство не вмещалось в его каноны, не соответствовало им, ибо имело совершенно иные параметры, цель и смысл^{*}. А через пару десятков страниц — высказывание в духе теории Д. Ф. Маркова насчет «исторической открытости» соцреализма, которую в 70–80-е годы многие считали прогрессивной и которая будто бы «утвердилась»: «Задолго до того как утвердилось понимание социалистического реализма как “открытой системы”, он (критик-“перевалец” А. Лежнев. — С. К.) подчеркивал его анти-нормативный, ориентированный на многообразие форм и стилей характер»^{**}.

На самом деле ничего не утвердилось. Наиболее позитивный итог дискуссии 1980-х годов по проблеме метода состоял в признании неудовлетворительности прежних представлений о «социалистическом реализме» и в не меньшей мере — невозможности дальше игнорировать «идею плюрализма творческих методов, которая буквально стучится ныне в дверь...»^{***}. Стучится и до сих пор. В литературе XX века было много художественных методов, но практически ни один из них удовлетворительно не определен, а теория от разработки этой проблемы уклоняется. Вот почему важно учитывать опыт прежних времен, пусть и не очень успешный.

* Беляя Г. Дон-Кихоты 20-х годов. «Перевал» и судьба его идей. М., 1989. С. 362.

** Там же. С. 385.

*** Ковский В. Культ метода: Причины и следствия. С. 3.